

Архив Международного Мемориала

Коллекция мемуаров и литературных произведений

Ф.2, оп. 10, д. 44

Могильная Элеонора (Лора) Андреевна

[Воспоминания]: Интервью

Москва, б/д

Расшифровка магнитофонной записи, *рукопись*, 9 л.

См. также Ф. 1. Оп. 3. Д. 3322 (личное дело) и Ф. 1. Оп. 3. Д. 3323
(Могильный Андрей Митрофанович, отец)

Поступление [1990-е]

Лоры Андреевны Могильной

Я родилась в 1921 г. в г. Феодосия. Отец там работал в Реввоенсовете Крыма, они воевали там с Врангелем. Отец сам из Бердянска, с 14 лет он работал на заводе, там он занялся революционной работой, под руководством Волкова В.А., члена партии с 1905 г., прошедшего каторгу. Они дружили, к ним примкнул Тольмац, ставший позже директором завода "Фрезер". Сначала отец расклеивал листовки, потом они устраивали забастовки, позже в Бердянск нагрянул Махно. Все ушли в подполье, но были арестованы. Перед самым расстрелом вместе с мамой они вырыли подземный ход и бежали (об этом побеге писал Бек). Позже отец попал в Петербург, работал там на Путиловском заводе вместе с Калининным, но пришлось бежать в Финляндию. Когда вернулись в Россию отец попал в Феодосию, работал зам. Дмитрия Ильича Ульянова, который работал главным врачом госпиталя, которые позже перешли в ведение санаторного Управления.

С мамой отец познакомился в Пензе, где она работала машинисткой. Она тоже член партии с 1915 года, а отец - с 1914 г. В 1923 г. отца послали учиться в институт им. Свердлова, где лекции читал Сталин. После окончания института его направили работать в ЦК к Молотову, а когда тот перешел работать Председателем Совнаркома, Молотов взял с собой отца зам. управляющего делами под началом Мирошникова. Жили мы все в одном доме. Мама работала у Микояна в Министерстве торговли после окончания Промакадемии.

Папа был удивительный человек, очень живой, спортивный, его знали все. Я его почти не видела, он спал, когда я уходила в школу, а когда приходил домой, я уже спала - они работали ночами.

Я училась в 175 школе в Старопименовском пер., где учились дети Сталина, Молотова и др. В 1936 г. мы с мамой отдыхали в доме отдыха ЦК, рядом была дача Молотова. Отец с Молотовым работал ночами, а днем приходил к нам. В 1937 г. мы опять отдыхали там и ждали отца, который обещал приехать к нам. Прошел июль, середина августа - а отца все нет. Мама очень волновалась, но отец написал, что прилетит сам, он в это время учился управлять самолетом. Хорошо водил машину, Молотов ему подарил спортивную машину и он гонял. Хорошо играл в теннис (хотя жил с одной почкой).

Отец был в очень хороших отношениях с женой Молотова, Полиной

Семеновной Жемчужиной. Однажды пришел отец и говорит: "Ты знаешь, Леля, Старик хочет выгнать из партии Полину". Мама ахнула: "Как, она ведь старый член партии! За что?" "Не знаю". Она была бесстрашный человек, могла сказать Сталину и Молотову в глаза: "Вы здесь сидите, отгородились стеной каменной и не знаете, как народ живет".

Мне уже надо идти в школу, и нас вместе с Дыбицем Юрой мама отправила в Москву (его семья жила в Америке, они были эсеры, а после встречи с Лениным перешел в партию большевиков и приехали в Союз, он очень помог в поставке из Америки оборудования, в 1937 году его арестовали и расстреляли, а жена его отсидела 18 лет в лагерях, но осталась жива, сына выслали в Киев, в начале войны добровольцем ушел на фронт и погиб в первых числах). Я ждала, что меня встретит папа, но меня встретила тетя, повезла к себе и там сказала, что отец арестован. Несколько дней проревела, в школу идти было не в чем и не с чем. Тетя вызвала маму, и та через несколько дней приехала. Тетя ей рассказала, как она 28 августа встретила поздно вечером отца, он попросил ее встретить меня на вокзале. Когда отец подошел к дому, его во дворе ждали, отобрали ключи и увезли с собой.

Мама стала писать Сталину и Молотову об отце, но ответа не было. Мама очень волновалась и говорила, что если отца взял Ежов, то отец не вернется, потому что она однажды слышала, как отец спорил с Ежовым и разговор их был очень бурным. Мама обратилась к жене Молотова, объяснила, что квартира опечатана, ходить не в чем. Та попросила написать бумагу и решительно сказала, что Андрей не виновен, думаю, что все кончится благополучно. Маму забрали на следующий день, я кричала: "Не мама моя - враг народа, а ваш Ежов - враг народа".

Меня уже перевели в другую школу, стала учиться, жила у тети, потом позвонили, чтобы мы взяли вещи и учебники. У нас было очень много хороших книг, старинных, но отдали мне только Пушкина, Маяковского и др. Взяла старые простыни, одеяло, так я была уверена, что скоро мои вернутся, что все это временно. Проучилась я до октября, 4 октября мне исполнилось 16 лет, а 9-го за мной приехали в школу. Сказали, что хотят поговорить со мной о родителях, я решила, что со мной так же, как с дядей отца, поговорят и отпустят. Привезли меня в Бутырки.

Там меня раздели, устроили "сухую баню" (полный обыск везде, где можно и нельзя), обрезали все пуговицы, сняли пояс, потом в

душ. Там встретила с женой профессора, которая очень плакала о муже.

В камеру меня привели к вечеру. Я стою у дверей, по обе стороны нары, а в центре — стол из досок и с двух сторон на меня бегут женщины и машут белым. Оказывается так они после бани сушили свое белье. Они ко мне: "Девочка, чья ты? Как же тебя взяли, ведь Сталин сказал, что дети за родителей не отвечают". И вдруг я слышу с правой стороны: "Незабудка! Незабудка!" Вижу, лежит жена Буденного, Михайлова, певица Большого театра, взяли ее прямо с концерта, в длинном платье со шлейфом и чернобуркой. Она позвала меня к себе, а знала она меня по Мочи, где у Буденного с Ворошиловым была на Ахуне дача, где меня все женщины звали "незабудкой". В камере было человек 50, жены врагов народа.

Сижу я в камере восемь месяцев, и никто меня не вызывает. И вот Михайлова посоветовала мне написать директору тюрьмы заявление с просьбой отпустить меня на экзамены домой. И я такую глупость написала — что сижу 8 месяцев, никто меня не вызывает, обвинений никаких не предъявляют, прошу меня освободить, так как у меня экзамены в школе. Он меня сразу же вызвал. Я осталась у дверей. Он мне: "Хочешь узнать, за что твой отец арестован?" Я говорю: "Не хочу, хочу узнать, за что меня арестовали". Он: "А ты хочешь узнать, за что твоя мать арестована". Я опять: "Нет, не хочу, хочу знать, за что я. За что я, за то и она". (Мама мне много рассказывала и о побеге). Мы с ним долго пререкались, я ему сказала: "А ведь Сталин же сказал, что дети за родителей не отвечают". А он: "Мало ли, что он сказал". Меня увели и втиснули в узкий каменный мешок, где можно было только стоять. Там было накурено, мне стало плохо, они меня вытащили, привели в чувство и повели вниз.

Привели в комнату, где за столом сидело трое человек, потом мне объяснили, что это было Особое совещание. Они мне дали листок и говорят: "Прочитай и распишись!" Я читаю: "СОЭ/БС". Я говорю: "Я не знаю, что это такое, и подписывать не буду". Они мне: "Ты — социально опасный элемент". Я удивилась: "Я — пионервожатая, какой я СОЭ". Они меня заставляли, но я так и не подписала. Тогда один из них говорит: "Напиши, что отказалась от подписи". Это я подписала. Силу мне давала уверенность в невиновность родителей и себя.

Из комнаты меня привели в Бутырскую церковь, переоборудованную в камеры, где было по 120 человек. Там женщины меня стали расспрашивать, кто я, они меня подвели к окну к женщине, которая

оказалась женой Томского. Она после самоубийства Томского свой партбилет вернула в парторганизацию и заявила, что в такой партии она состоять не хочет, которая всех старых большевиков, делавших революцию, сажает. У нее было трое сыновей: старшего расстреляли в Ленинграде, среднему дали 25 лет, а младшего выслали, хотя следователь уверял, что его не тронут. Она мне рассказала все маме, что ее не били, не пытали, сообщили о ее временной изоляции и перед этапом она из камеры, которая была над нашей камерой, спустила в спичечном коробке записку, что как член семьи врага народа получила 8 лет.

В камере было много девушек, осужденных за шпионаж после их танцев с иностранцами в гостинице Метрополь. Много было артистов из театра Сатиры, МХАТа, Моссовета и др. Они на 7 ноября устроили концерт, но к нам ворвалась охрана, устроила "сухую баню". Нас раздетых вывели в коридор, а в это время в камере делали обыск. Когда он кончился, мы уже в камере обнаружили, что были взяты вещи красного цвета: тапочки, маечки, кофточки, туфельки. Мы запели "Интернационал". К нам ворвались с криками "Всех в карцер сейчас! Прекратить!" Но мы шепотом все-таки допели его.

Через несколько дней в камеру ввели новую женщину, она сказала, что поранила руку и кровью на куску рубашки написала дочери записку: "Знай, что мы с отцом невиновны", и зашила в подкладку пальто. Кто-то донес или увидел в глазок, камеру стали обыскивать, но я сразу же отдала этот клочок, поняла, что из-за меня. Она была оставлена в камере, а остальных отправили на этап. Она пошла в коридор за водой, а в это время вдоль стены стояла группа голых мужчин, у которых в камере делали обыск. Когда я шла обратно, то один мальчик, застеснявшись отвернулся, прикрылся. В камере я услышала стук: "Я - Томский, я - Томский. Передайте маме, что мне дали 10 лет. Я пошла к Томевой и передала ей все."

Потом из этой камеры меня перевели в подвал в другую камеру, а потом отправили на этап - по всем городам, через все тюрьмы, где часто были вместе с уголовниками. Везли в столыпских вагонах, в купе было шесть женщин, у всех женщин была 58/10 статья. Они меня спрашивали, какая у меня статья. Я говорю - С03/БС. Они мне сказали, что у тебя, наверно, 58/10. Когда привезли в лагерь, то при прохождении вахты я так и сказала, что у меня 58/10. Нас загнали в барак, где не было нар, в полу дыры, а внизу плавали крысы и пищали.

Полночи я там пробыла, вдруг кричат: "Могильная - с вещами". Я начала плакать, а женщины меня стали уговаривать: "Что ты плачешь, может тебя в детский лагерь отправят!" Вышла я, привели через вахту и трое меня повели вниз к составу. Ввели в вагон и старший их говорит мне: "Не волнуйся, я сейчас попробую позвонить в Москву". Перед этим они меня покормили и он меня все расспросил.

Мы его ждали целый день, сторожили меня украинцы, молодые парни по 18 лет. А их старший был начальник эшелона. Каждый день приходил эшелон по 3000 человек. Наконец он пришел, подтвердил, что ничего не получилось. Привел он меня в лагерь и договорился с начальником отделения Карабас, чтобы тот меня никуда не переводил и оставил в конторе, обещая поехать в Москву и добиться освобождения, считая, что со мной недоразумение произошло.

Поместили в барак с уголовниками. Работала я на обработке эшелонов - снимали отпечатки пальцев, записывали статьи и сроки и распределяли по отделениям. В Карагандинском лагере было 70 точек: и каменные карьеры, и песчаные карьеры и отделения штрафников. Определенная статья - своя точка. И центральное плодовоовощное отделение, где были все ребята. В один из дней начальник уехал, оставив вместо себя заместителем бывшего военного по 59 статье. Мы работали ночью, и он ко мне полез. Я перевернула стол и стала кричать, прибежали из других комнат, и он отстал от меня.

Ночью кто-то стучится и кричит: "Могильная, выходи с вещами!" Мне говорят, что этот заместитель твое дело положил в штрафную командировку, а Сережка (хороший парень, которого председатель колхоза посадил за изнасилование, чтобы тот не женился на его дочери) выкрал и переложил его к "мамкам" - заключенным женщинам с грудными детьми или беременным. Их фургончик сейчас отправляется, меня спрячут под скамейку, а женщины меня закроют юбками. Он написал записку знакомому на ЦПО и отдал шоферу, который тоже хороший парень. Так я попала на ЦПО. Сунули меня с моей СОЭ/БС к уголовникам.

В конторе на ЦПО работала Мира Гильдина, распределяла на работы. Уголовницы работали на поле, но она меня взяла в контору. Там у меня началась пеллагра, я совсем погибала, и спасли меня "урки", кормили меня с ложки (я с этим парнем переслала теще записку с адресом ЦПО, и она мне прислала посылку, которую я разделила с урками). Ни врачи, ни сестры ко мне уже не подходили, и урки меня кормили и учили ходить.

Когда я выздоровела, то меня уже перевели в барак, где я познакомилась с Анефатер Лилей и Авиновицкой Любой. Там я встретила и Гиберу Игоря, и Демченко Николая, и Ковтюка Валентина, и Пятницкого Игоря. Работала я в конторе. В 1939 году вызывают Анифатор, ее освободили.

Потом в лагерь приехал какой-то человек, и он меня стал расспрашивать о Мирошникове, я была дружна с его дочерью Ирой. Потом он уехал, а меня через некоторое время взяли и этапом в Бутырку. И поместили в спецкорпус, камеру на четверых. Напротив меня лежала сестра Троцкого. Каждую ночь после допросов она приходила вся избитая, в синяках. Брала чайник с водой, выливала на себя и ложилась на пол, чтобы вода стекла. Спать не давали, по ночам водили на допросы. Третьей была девушка из МГУ, фамилия ее не то Бессонова, не то Бессмертнова, отец ее работал в Совнарком РСФСР. Я с ней в основном общалась. А четвертая – жена начальника пожарной охраны, которая потом оказалась "подсадной уткой". Когда женщин уводили на оправку, Таня мне читала Маяковского и рассказывала о нем.

Рядом в камере сидел Туполев, об этом нам рассказала сестра Троцкого, которая перестукивалась. С другой стороны была камера смертников. Сначала в камере висели правила, подписанные Ежовым, потом эти правила сменили, и подпись уже была Берии и правила изменились.

От меня добивались признания в том, что я шпионила, а когда я спросила: "В чью пользу", они мне ответили, что это я должна им сказать. Как же я была благодарна папе, что он не позволил мне поехать на каникулы вместе с дочерью полпреда Богомолова в Англию в 1936 году. Дочери Богомолова он сделал визу, а меня не пустил. Меня не били. Потом меня обвинили, что я была организатором группы ребят "мечь за отцов", уверяли, что это сообщил Дыбич Юра. Я потребовала очной ставки с ним, мне, конечно не дали. Наташа Крестинская, Тамара Медведева, Лена Рухимович, с которыми я встречалась до этого по разу – все они были в этой группе и я была организатором ее – это по версии следствия. Потом обвинили меня в подготовке терракта против Сталина. И в укрывательстве – это, что я не сообщила о родителях. Следователи менялись, было их II, все это продолжалось очень долго. Все время требовала очных ставок. Потом вдруг в камеру пришел электрик и сменил лампочку на синюю, так мы узнали, что началась война с финнами. Меня потом долго не вызывали, а потом вдруг вызвал новый следователь, молодой, краси-

вый. И все его допросы стали выливаться в разговоре о театре, выставках, кино, о своей жене, дочке.

Однажды он мне сказал: "А хотите я вас отпущу? Вот бросите курить, месяц не будете курить и сразу вас выпущу". Я говорю: "Хорошо, попробую". Он мне: "Если не верите, то я сейчас позвоню вам домой и вы поговорите со своей тетей". Набрал номер и подает мне трубку. Я меня от волнения спазм, говорить не могу, тогда он взял трубку и говорит: "Она волнуется, говорить не может, но вы соберите ее вещи и я вам позвоню, когда за ней приехать".

Месяц прошел, я не курю, пошел второй, он меня не вызывает. Я объявляю голодовку, отказываюсь от прогулки. Он меня сразу же вызвал: "Ты что отказалась от пищи и прогулок?" Я ему: "Месяц прошел, а вы меня не допрашиваете, ничего не предъявляете". Он тогда: "Забудь о всех статьях, мы с тобой эти статьи будем отводить".

И так каждую ночь отпадала статья, он все их отменил, но выпустить меня он не мог. Перевели меня из спецкамеры в другую, уже ночью. Слышу шепот: "Лорка Могильная". Я подтверждаю "Да". Оказалось, что в этой камере были Крестинская, Ломова, Рухимович, Медведева, которых уверяли, что их обвиняла я. Через несколько дней взяли на этап сначала девочек, а позже меня и отправили в Алма-Атинскую тюрьму. Камеры были огромные и очень много было китайцев. Они переходили границу, так как там нечего было есть. Не помню, сколько мы там провели, потом нас вызвали всех и отправили по нашему выбору в Актюбинск.

Да, когда нас везли этапом, у меня была встреча с одним мужчиной, который рассказал мне о гибели отца — его так пытали, что он не выдержал допросов и на Лубянке прыгнул через перила в лестничный пролет. 28 августа его арестовали, а справка о смерти за 3 сентября. Так я узнала об отце.

В Актюбинск нас приехало 5 человек: Я, Наташа Крестинская, Тамара Медведева, Лена Рухимович и кто-то еще. Пошли в НКВД, работать ссыльным было запрещено, поместили нас в комнате при железной дороге, там было две кровати, мы их сдвинули и впятером поперек ложились. И каждый день мы приходили в НКВД, получали по 40 коп. в день на еду, в буфете на эти деньги покупали кисель и только его ели, хлеба не давали нам.

И каждый день приходили этапы ссыльных: врачи, профессора

из Москвы, Ленинграда, Киева. Тогда НКВД разрешили местным сдавать ссыльным койки, и принимать ссыльных на работу. Наташа Крестинская устроилась работать в аптеку, она уже училась в институте, я устроилась в детскую поликлинику счетоводом-статистом. Когда началась война, мы с Тамарой Медведевой пошли в военкомат, чтобы пойти добровольцами на фронт. Они нас направили в школу медицинских сестер, окончили ее втроем: я, Тамара, Наташа. С Леной Рухимович мы разделились, она была уверена, что Сталин все знает, а мы продолжали в него верить, поэтому на этой почве с ней рассорились. Так вбито в наши головы была вера в Сталина.

Я стала работать патронажной сестрой, ходила по домам делать уколы новорожденным. Но платили всего 26 руб., поэтому врач Бутенко устроила меня сестрой в сангородок, где было 3000 больных: и пеллагра, и легочные заболевания. 17 барачков, в два этажа нары, политические и уголовники вместе. Кормили больных хорошо, правда, рядом был лагерь пленных немцев, так их кормили, как на убой. Когда проворовалась сестра на кухне, то меня послали работать туда сестрой, но я быстро от этой должности отказалась.

Потом в городе объявили Всеобуч, и мне преподаватели Института физкультуры предложили подать заявление в этот институт. Я стала отказываться, тем более что все мои документы отправила в Молотовск в медицинский институт. Но они уговорили, тем более, что они возвращались в Москву. Через некоторое время пришел вызов из Института физкультуры. К этому времени срок мой уже кончился, пять лет моих. У девчонок было три года, они освободились раньше. Отправили меня в Москву в военном эшелоне, сначала в тамбуре, а потом меня какие-то военные пригласили к себе в купе и прятали меня на багажной полке, так как ни пропуска, ни паспорта у меня не было. Встретила меня тетя с дядей. На следующий день пришла в Институт физкультуры и они меня приняли без паспорта, со справкой. Началась эпопея прописки, и длилась она 5 месяцев, и кончилась благополучно только благодаря другу моего дяди Бабенко Александру Владимировичу, который работал в милиции, который забирался в НКВД, был позже отпущен, выдержав все пытки, даже стояние в ледяной воде по горло часами, но так ничего и не подписав. Вот к нему и обратился мой дядя за помощью, тем более, что паспорт мой при аресте не был найден, бабушка его в белье спрятала, и там только не было прописки. Благодаря другу Бабенко Василию Злобину я была прописана

в Подмоскowie в запретной зоне, причем оба — сильно рисковали, особенно Злобин.

В институт я пришла в феврале, наврала, что лежала в больнице. Кончила институт в 1947 году, во время учебы еще много было сложностей. Когда готовили парад Победы, как участники физкультурного парада, за два месяца до парада всех участников, у кого были репрессированы родители, человек 25, отделили, документы отобрали, кормить усиленно перестали.

За месяц до госэкзаменов всех нас исключают из института, но через месяц после госэкзаменов вызвали и разрешили сдать экзамены. В институте в это время начались гонения на космополитов, в этом обвиняли нашего оюбимого преподавателя Губанова, который готовил с нами парад, и профессора Саркизова-Сиразини, зав.кафедрой лечебной гимнастики и массажа. Мы организовали к дню рождения Губанова ему подарок, и после вручения его, ночью меня вызвали в институт и допрашивали секретарь парторганизации в присутствии Мороза, замечательного человека, который и спас меня, (вся эта кампания началась по доносу Поляковой), поручившись за меня. Директором института был подполковник безопасности Петухов, друг отца, который сильно рисковал, беря меня с моей анкетой в институт. Он очень многим помог, я это потом узнала от преподавателя Яхно.

*4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал
в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию
иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.*

Архив Международного Мемориала
фонд 2, опись 10, дело 44

